

РОМАН ЛОРАНА БИНЕ «СЕДЬМАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА» КАК ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

А. О. Ефименко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, hannaofalltrades@gmail.com*

Доклад посвящен понятию «постструктуралистский детектив», которое рассматривается на примере романа Лорана Бине «Седьмая функция языка». Выявлены особенности данного поджанра, а также изменения, которые внесены в матрицу детектива. Особое внимание уделяется влиянию школ и направлений, принадлежность к которым определяет способ трансформации современного французского детективного романа, в частности, движениям структурализма и постструктурализма. Теоретическое и практическое значение исследования состоит в рассмотрении философско-эстетического подхода, которым пользуется автор при эксплуатации структурной модели детектива, и в дальнейшем выявлении похожих стратегий у других авторов.

Ключевые слова: французская литература; постструктурализм; французский детектив; постструктуралистский детектив; конспирологический детектив.

РАМАН ЛАРАНА БІНЭ «СЁМАЯ ФУНКЦЫЯ МОВЫ» ЯК ПОСТСТРУКТУРАЛІСЦКІ ДЭТЭКТЫЎ

Г. А. Яфіменка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, hannaofalltrades@gmail.com*

Даклад прысвечаны паняццю «постструктуралісцкі дэтэктыў», якое разглядаецца на прыкладзе рамана Ларана Бінэ «Сёмая функцыя мовы». Выяўлены асаблівасці гэтага паджанра, а таксама змены, якія ўнесены ў матрыцу дэтэктыва. Адмысловая ўвага надаецца ўплыву школ і кірункаў, прыналежнасць да якіх вызначае спосаб трансфармацыі сучаснага французскага дэтэктыўнага рамана, у гэтым выпадку, рухам структуралізму і постструктуралізму. Тэарэтычнае і практычнае значэнне даследавання палягае ў разглядзе філасофска-эстэтычнага падыходу, якім карыстаецца аўтар пры эксплуатацыі структурнай мадэлі дэтэктыва, і ў далейшым выяўленні падобных стратэгий у іншых аўтараў.

Ключавыя словы: французская літаратура; постструктуралізм; французскі дэтэктыў; постструктуралісцкі дэтэктыў; канспіралагічны дэтэктыў.

Экспериментальный игровой детектив, к которому принадлежит и «Седьмая функция языка», на рубеже XX–XXI вв. развивает новый подтип – конспирологический детективный роман. Интригой в таком романе

становится не столько сюжетные перипетии, сколько взаимодействие автора, читателя и текста. Литературная традиция постепенно оттесняет сюжетную историю в романе на задний план: чтение из истории, которую рассказывают, превращается в процесс рассказывания.

Устранение сюжета в романе начинается еще с неоавангарда и «антижанров», нарушающих правила, по которым строится повествование. В рамках теории искусств, структурализм, который и приводит к фрагментированию, а потом и деконструкции системы, противопоставляется модернистскому способу рассказывать. Повествование в модернизме линейное, и выстраивается согласно логике автора, который остается ключевой фигурой, прочно интегрированной в структуру романа. Структурализм, напротив, объясняет роман не как наполненную определенным смыслом единицу, а как совокупность элементов, существующих внутри подвижной структуры. Упразднение единого магистрального сюжета и авторского голоса, которые провозглашают в своих критических работах А. Роб-Грийе и Р. Барт, задают важнейший принцип литературной теории 70-х г. XX века, который позже через деконструкцию преобразуется в постструктурализм. Деконструкция при этом прочитывается как процесс расчленения заостренной романной формы, разделение смысла, текста, структуры и самого письма. Место автора занимает интерпретатор, поскольку, когда в эпоху постмодернизма мир рассматривают, как текст, в первую очередь такому тексту необходим читатель, который будет способен его расшифровать. Происходит смещение фокуса с содержания на расшифровку и прочтение, что позволяет находить неочевидные смысловые связи (часто ассоциативные) и раскрывать текст с новой стороны.

Однако структурализм не смог в полной мере объяснить каждый из элементов изменяющейся структуры романа и редуцировать текст до простой системы. Ж. Деррида объясняет проблемы структуралистской стратегии тем, что ни один из элементов, которые структурализм пытается зафиксировать, не имеет постоянного места в системе. Ни одна структура в романе не может оставаться фиксированной, а значит, существует только произвольная ризомная организация, которая каждый раз воспроизводится заново. Таким образом и возникает новый, постструктуралистский взгляд на текст, согласно которому смысловая интерпретация постоянно находится в состоянии становления и включает в себя бесконечное количество смыслов одновременно. При этом текст можно «пересобрать» в любой момент, объяснив его иначе, чем в предыдущий раз.

Особенно любопытно влияние постструктурализма на детективный нарратив. В своем изначальном виде детектив представлял собой текст с однозначной расшифровкой сюжета. Однако по мере того, как меняется литературоведческое восприятие текста, трансформируется и жанр. Если

сравнить классический аналитический детектив начала XX в. и современный, конспирологический его вариант, становится очевидным, что общими точками пересечения у них будут только наличие сюжетной интриги, типовые персонажи (например, полицейский; жертва и т. д.) и стремление расшифровать некую истину, прийти к определенному умозаключению в финале романа. Но если ранее автор закладывал в сюжет детективного романа однозначный ответ относительно произошедшего, а читатель мог только сравнивать свою теорию с той, которая постепенно разворачивалась в тексте, сейчас существует множество вариантов прочтения сюжетных действий. Аналитический детектив не допускал смысловой интерпретации: вопрос «о чем роман?» в этом контексте может означать только объяснение сюжетной интриги. Конспирологический детектив заставляет привычный, на первый взгляд, сюжет выглядеть не тем, чем он кажется, оставляя читателя самого решать, какое прочтение кажется более подходящим.

Конспирологический детектив называется так по двум причинам: первая – сюжетная, вторая – смыслообразующая. В рамках сюжета конспирология проявляется как некое тайное знание, которым обладает главный герой. Это знание способно показывать истинную сторону вещей, которую другие персонажи, в силу своего невежества, осознать и понять не могут. В рамках смыслового наполнения конспирологическая «истинная» интерпретация – это как раз то, о чем на самом деле был роман, маскирующийся под детективным сюжетом. Однако Л. Бине в «Седьмой функции языка» не ограничивается только этими двумя уровнями текста, а делает теорию заговора сквозной темой романа. Сквозь каждую из воссозданных в романе «фальшивых» реальностей отчасти проступает «истинная», но существовать они способны только неотделимо друг от друга, и этот плюрализм как раз в полной мере отражает постструктуралистский детективный роман.

Конструированием ложных реальностей, якобы скрывающих тайную, а значит, настоящую природу вещей, пронизан весь роман, начиная с названия. Существование шести функций языка – известный факт, но вынесенное в заголовок «седьмая функция...» как бы намекает на то, что общеизвестная информация недостоверна, и что существует некое дополнительное, тайное знание, скрытое от обычных людей. В целом, это довольно полное описание сюжета романа: Жак Байяр, расследующий убийство, сначала считает его несчастным случаем, но постепенно начинает видеть в произошедшем подтекст, неочевидный на первый взгляд.

Эпиграфом к «Седьмой функции...» Л. Бине выбирает цитату Ж. Деррида: «Il y a des interprètes partout. Chacun parle sa langue même s'il connaît un peu la langue de l'autre. Les ruses de l'interprète ont un champ très

ouvert et il n'oublie pas ses intérêts» [1, p. 79] («Переводчики – они везде. Каждый говорит на своем языке, даже немного зная чужой. Лукавства переводчику не занимать, и свой интерес он помнит» – перевод А. Б. Захаревич) [2, с. 3]. Конечно, в контексте романа «l'interprète» больше относится к интерпретатору текста, чем к переводчику: автор намеренно выбирает те образы и символы, которые могут вместить наибольшее число смыслов, а также объединяет их под одним означающим. Например, сцена, где Симон убегает от своего преследователя по коридорам Корнуэльской библиотеки, параллельно с действиями героев прочитывается еще как трансформация литературного процесса: «Il se hâte quand il entend des pas remonter sa piste. Il traverse le rayon Psychoanalysis et s'engage dans celui du Nouveau roman mais c'est une impasse. Il se retourne et sursaute en voyant Searle s'avancer vers lui, un coupe-papier dans une main, le Grand Jeu dans l'autre ¹ » [3, p. 116]. Новый роман, возникший под влиянием психоанализа, довольно быстро исчерпывает свои литературные возможности, поскольку строится на отрицании литературных традиций, и точно так же путь, выбранный героем, оканчивается тупиком, или ставит его в затруднительное положение (l'impasse).

По такому же принципу многозначности (или неоднозначности) строится и сюжет «Седьмой функции...». Обыкновенный, на первый взгляд, несчастный случай оказывается убийством с целью получить тайный артефакт, а расследование преступления строится не столько на поиске улик, сколько на расшифровке знаков: следователь вынужден изучить семиотику и научиться не только находить символы, но и трактовать их в определенном контексте.

В двойственности значений, которые накапливаются в тексте, присутствуют ирония и отстраненность. Так, главной сюжетной интригой становится убийство Ролана Барта – то есть, автор детективного романа убивает человека, провозгласившего смерть автора как новый способ литературоведческой интерпретации текста. Подобные иронические парадоксы присутствуют в тексте повсеместно: например, введение в роман персонажей, прототипами которых выступают известные философы и лингвисты. В отличие от ситуации из классического романа, где имя нарицательное часто выступает характеристикой героя – то есть, узнавание движется от знака к его интерпретации. У Л. Бине определенную характеристику персонажу задает «известное» собственное имя. Образы реальных историче-

¹ Он ускоряет шаг, поняв, что его след взят. Он минует раздел «Psychoanalysis» и устремляется в «Новый роман», но там тупик. Симон разворачивается и вздрагивает: Сёрл идет ему навстречу с ножом для бумаги в одной руке и номером «Гран Жё» в другой (пер. А. Б. Захаревич).

ских лиц, присутствующих в романе (это философы, критики, литературоведы, политики и деятели искусства, в т. ч. Р. Барт, М. Фуко, Ю. Кристева, У. Эко, Ф. Миттеран, Ю. Андропов, М. Виттиг, Л. Альтюссер) во многом гипертрофированно пародийные, а реальные факты их биографий смешиваются со слухами и вымыслом: убийца Л. Альтюссер, болгарская шпионка Ю. Кристева, член тайного общества У. Эко. «Седьмая функция языка», таким образом, может прочитываться как детектив, без погружения в пласт академических и политических отсылок, а также отдельно – как политическая сатира или альтернативная история. В то же время, интерес к роману, его юмор и разнообразие коннотаций будут пропорциональны познаниям читателя в философии XX века, поскольку в романе прямо и косвенно рефлексировать о роли семиотики, вопросе интерпретации и применении формального метода к реальности.

Подводя итог перечисленным особенностям романа, можно определить его жанр как постструктуралистский детектив благодаря следующим признакам. Во-первых, это роман о постструктуралистах, в котором есть детективная интрига, и, во-вторых, она выстроена вокруг структуры языка, конкретнее – вокруг реальной статьи Р. Якобсона «Лингвистика и поэтика». При этом, несмотря на то, что в «Седьмой функции...» задействованы клише и коды массовой культуры, в полной мере текст станет понятен только при наличии у читателя определенного культурного бэкграунда. Постструктуралистский детектив параллельно апеллирует к двум идеальным типам читателей: к знатоку детективных романов и интеллектуалу, имеющему представление о философии, истории и политики. В-третьих, главной темой в таком романе становится расследование не главного героя, но реципиента, роль которого заключается в том, чтобы через чтение преодолеть жанровые границы текста. Успешным завершением читательского исследования будет конструирование такого типа детектива, который будет интегрирован в сложную систему отношений между художественной литературой, философией и лингвистикой без нарушения собственной структуры и жанровой природы.

Библиографические ссылки

1. *Derrida J.* Limited Inc. P. : Galilée, 1990.
2. *Бине Л.* Седьмая функция языка. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2020.
3. *Binet L.* La Septième Fonction du langage. P. : Grasset, 2015.